

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Новые катализаторы изменений

**МЫШЛЕНИЕ БУДУЩЕГО: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК
ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

Панельная сессия

22 июня 2013

10:00—11:15, Павильон 8, Конференц-зал 8.2

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Антон Хреков, Управляющий партнер, Finjecto

Выступающие:

Сэр Пол Джайдж, Основатель, Judge Business School; президент,
Международная ассоциация МВА

Дафна Коллер, Профессор, Stanford University

Санил Кумар, Декан, Профессор оперативного управления, занимающий
именную кафедру Джорджа Прэтта Шульца, The University of Chicago Booth
School of Business

Владимир Май, Ректор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации

Брент Уилтон, Генеральный секретарь, Международная организация
работодателей

Андрей Фурсенко, Помощник Президента Российской Федерации

Участники дискуссии:

Лоура Ипсен, Корпоративный вице-президент, Microsoft Corporation

Евгений Кузнецов, Директор департамента стратегических коммуникаций,
ОАО «РВК»

Дмитрий Песков, Директор направления «Молодые профессионалы»,
Агентство стратегических инициатив

Евгений Ясин, Научный руководитель, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

А. Хреков:

Доброе утро, уважаемые дамы и господа, уважаемые коллеги! Давайте начнем. Приятно, что даже после белой ночи нас здесь так много. Вчера была очень интересная дискуссия о государственно-частном партнерстве в образовании. Кто на ней был, тот знает, что она прошла в кафе. Я сегодня попытался убедить организаторов провести нашу сессию в баре, но пока это не согласовали, так что начнем здесь.

Кстати, вчерашняя сессия подвела базу под наш сегодняшний разговор. Речь шла о том, как привести бизнес в образование, как заинтересовать бизнес и вовлечь его в конфигурирование образовательной системы. Сегодня хотелось бы развернуть эту тему немного по-другому. Что делать в тех условиях, когда бизнес уже пришел в образование? Имеются в виду, например, корпоративные университеты в компаниях (которые зачастую могут составлять конкуренцию бизнес-школам), бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы, различные дистанционные формы обучения, модули. Есть ли какой-то конфликт форматов? Ожидается ли он? Есть ли конкуренция между классическим и междисциплинарным образованием? Вчера министр образования господин Ливанов упомянул цифровую революцию. Некоторые даже называют то, что сейчас происходит, цифровым коммунизмом. То есть знания доступны всем в любой точке мира. Опрокинет ли эта ситуация традиционное классическое образование или оно останется, подобно тому, как когда-то возникло радио, потом телевидение, а театры все равно остались? В этом смысле опасаться нечего? Я бы хотел начать с уважаемого профессора Владимира Мау. Вопрос к нему такой: технологии, как я уже упоминал, зарождаются сейчас быстро и повсеместно. Если, допустим, в сфере IT на их воплощение уходит несколько месяцев, то в сфере классического образования уходят годы (пока все это вращается в учебные планы). Как стоит сейчас представлять себе это классическое образование? Оно должно быть университетским, как раньше, или все-таки оно приобретает форму матрицы? То есть ты получаешь некие базовые знания и затем уже

выстраиваешь собственную траекторию обучения в процессе работы, в процессе роста своей карьеры.

В. Мау:

Спасибо большое. Это, действительно, хороший вопрос. Мне представляется, что образование сейчас становится не только универсальным, и в этом смысле тезис о всеобщем высшем образовании мне кажется справедливым, и с ним нельзя бороться. Другое дело, что всеобщее образование не может быть хорошим. Как всегда, будет сегмент хорошего и сегмент плохого образования. Мой первый тезис, который я повторяю, как мантру, заключается в том, что плохое образование лучше отсутствия образования. Во-вторых, образование в значительной мере возвращается — разумеется, на новом витке — к образованию доиндустриальному. Индустриальное образование — это массовое образование больших слоев населения по стандартным программам. Доиндустриальное образование — это образование единиц по индивидуальной траектории, на универсальном языке. «Вспоминайте иногда вашего студента», — то есть еду во Францию учиться, если там «профессора насмерть не замучат». Только в те времена учили на другом универсальном языке — на латыни. В этом смысле образование становится универсальным. Ведь суть Болонского процесса не в том, чтобы разделить пять лет на два плюс четыре. Она в том, чтобы сделать образование сопоставимым в разных странах и дробным. Дробность — это следующий важный принцип образования. Если оно индивидуальное, но индивидуальное в смысле необходимости адаптации к новым вызовам, которые предъявляет рынок, это значит, что это образование действительно должно быть дробным. Ты должен учиться не шесть-восемь лет, чтобы стать на всю жизнь специалистом, а учиться периодически, причем желательно с интервалами между разными образовательными программами. Здесь не могу не заметить, что, по моему мнению, всеобщая воинская обязанность как феномен аграрно-индустриального общества

категорически противоречит этим трендам непрерывности и одновременно дробности образования.

Следующий момент: образование делится на конкретное и общее. Если мы переходим к университетскому образованию, оно должно быть максимально универсальным. Я все больше убеждаюсь, что университет — это не то место, где учат ремеслу: это место, где те, кто хочет думать, учатся думать. Я твердо убежден, и вчера на завтраке говорил это: основная задача вуза — привлечь хороших студентов. Дальше они сами найдут, что делать со своими профессорами. Сконцентрируйте массу хороших студентов. Задача же современного ректора, как мне кажется, — обеспечить наличие в вузе критической массы исследователей, профессоров, которые бы делали не то, что нужно, а то, что им хочется, безотносительно к тому, имеет это отношение к реальной жизни или нет. К реальной жизни имеют отношение ремесленные училища. Если вы хотите быть бухгалтером, вам не надо было идти в университет. Если вы идете в университет, вы хотите научиться думать. Это основная задача хорошего университета. Чтобы научиться думать (а научить думать — нельзя), надо общаться с теми, кто уже умеет думать, а это и есть критическая масса людей.

Наконец, следующий тезис: мне кажется, что современное образование конкурентно в мировом масштабе. Это не столько конкуренция профессоров, которых, в конце концов, можно купить, сколько конкуренция студентов. Поэтому нужно наличие критической массы иностранных студентов. Но для этого, конечно, нужно преподавание на универсальном языке. Критическая масса иностранных студентов очень важна с точки зрения оценки качества вуза. Это означает, что будет возрастать и возрастает роль частных денег. Мы не должны говорить, что образование будет исключительно стремиться к тому, чтобы быть бесплатным.

Мой предпоследний тезис: мне кажется, мы в современном образовании должны уйти от вопроса о том, сколько у нас человек работает по специальности. По специальности работают выпускники колледжей, vocational schools. Выпускники университетов должны работать, много

зарабатывать и платить много налогов. Оценка выпускников вузов по объему налогов, которые они заплатили, гораздо адекватнее, нежели по тому, работают ли они по специальности или нет.

И последнее (впрочем, это отдельная тема, на которой я не буду останавливаться, мы в Академии ей подробно занимаемся): конечно, все это оборачивается современными технологиями образования, но это не продажа дипломов по Интернету. Современные технологии, цифровое образование — это не distant. Это совершенно другие формы, это симуляторы, которые позволяют проводить международные чемпионаты, игры. Спасибо.

А. Хреков:

Задам Вам один вопрос, а потом переадресую его нашим зарубежным гостям. Все-таки человек приходит в университет, когда ему 16-17 лет. В этот момент зачастую (по крайней мере, в нашей стране) молодой человек или девушка еще не знают не только того, чем они будут заниматься в жизни, — иногда еще и сама жизнь может так измениться за два-три года, что человек точно не знает, куда он пойдет. С какого момента надо думать о формировании собственной траектории обучения? Не получится ли так, что их будут заставлять сделать какой-то выбор, а потом он окажется неправильным?

В. Мау:

Вы знаете, мне кажется, что важнейшим успехом Андрея Александровича Фурсенко, хотя было много других положительных моментов, было введение бакалавриата и магистратуры, потому что бакалавриат, по сути, это продолжение среднего образования с более узкой специализацией, и на этой стадии можно еще пробовать. Дальше ты начинаешь сужать сферу, но бакалавриат дает возможность отчасти продолжить адаптацию. Другое дело, что у нас есть ряд бакалаврских специальностей, которые, на мой взгляд, принципиально не могут быть бакалаврскими. Я вообще не понимаю, что такое бакалавриат по педагогике. Мне не верится, что

человек в 17 лет хочет быть учителем. По педагогике, несомненно, должна быть магистерская программа. Ты получаешь в ходе бакалавриата гражданскую специальность, например, «история», «математика», а дальше, если хочешь быть ученым, берешь академическую магистратуру, если хочешь быть педагогом, берешь педагогическую магистратуру, хочешь быть управленцем — берешь менеджерскую магистратуру. Кстати, из гуманитариев получаются очень хорошие управленцы. Есть целый ряд специальностей, которые принципиально не бакалаврские. Но вычленение их, я думаю, — следующий шаг.

Теперь что касается конкретных детей. Ректор у нас теперь не отвечает за коррупцию. Когда мне говорят: «Мой ребенок хочет учиться у вас», — я говорю: «Отлично, приносите ЕГЭ». Они спрашивают: «И всё?» — «И всё». Я могу на это повлиять только тем, что посоветую с учетом склонностей ребенка, куда лучше поступать. А дальше идет развилка, о которой Вы сказали. В половине случаев родители говорят, что ребенок сам придет и поговорит, и это тоже какой-то индивидуальный выбор, индивидуальная зрелость.

А. Хреков:

Благодарю Вас. Профессор Санил Кумар, как бы Вы ответили на этот вопрос? С какого момента человек должен выстраивать собственную траекторию обучения, и не слишком ли рано мы заставляем его это делать?

С. Кумар:

Не хотелось бы задавать какие-то жесткие рамки и говорить, что в 17 лет — слишком рано, а в 19 лет — слишком поздно делать выбор. Думаю, что в здоровом обществе с хорошей системой образования должен быть выбор, чтобы люди могли пересматривать свою траекторию обучения по мере приобретения жизненного опыта. Я не имею в виду, что нужно выбирать одну-единственную траекторию, допустим, в аспирантуре. Я считаю, что должно существовать как можно больше возможностей выбора для разных возрастов.

Например, мое образование. До приезда в Америку я учился в Индии. В условиях индийской системы образования, просто по необходимости, из-за количества абитуриентов, от молодых людей требуется бесповоротное решение в 18 лет. Как сказал господин Мау, это, скорее всего, слишком рано. Наверное, в 18 лет нужно стараться понять, чему именно тебе следует научиться. Решение о выборе конкретной специальности, наверное, стоит принимать в более зрелом возрасте. Хорошо сконфигурированная система образования дает людям возможность выбора, и общество от этого выигрывает. Вместо прямого ответа на Ваш вопрос, я просто скажу, что задача руководителя университета — не ставить студентов в жесткие рамки на начальных стадиях обучения, а дать им как можно больше возможностей выбора, пока они не решат, чему себя посвятить.

А. Хреков:

Благодарю Вас. Вы знаете, когда я выбирал университет и факультет, мой выбор был predetermined. Родители сказали мне, что в доме столько книг по Китаю, что не нужно ничего изобретать нового, нужно просто пойти изучать китайскую историю и китайский язык. Я бы хотел адресовать следующий вопрос профессору Дафне Коллер. В нашей компании мы являемся благодарными слушателями и зрителями Coursera, спасибо Вам за то, что создали эту систему. Вопрос такой: могут ли краткосрочные модульные курсы заменить университетское образование. Возникает ли конкуренция между такими курсами и университетским образованием? Если да, то какими могут быть последствия?

Д. Коллер:

Многие считают, что существует конкуренция между онлайн-образованием и университетским образованием. Но я считаю, что они взаимно дополняют друг друга по нескольким параметрам. Первое и самое главное: сегодня в университетах мы учим студентов так же, как делали это на протяжении

500, 600, даже 900 лет. Профессор, стоя за кафедрой, читает лекцию аудитории из сотни студентов. Фактически, никакого фундаментального сдвига в педагогической деятельности за несколько веков не произошло, не говоря уже об использовании технологий. Мы стремимся улучшить методы преподавания в университетах.

Впервые я задумалась над этим вопросом, когда, будучи профессором Стэнфорда, поговорила с президентом университета Джоном Хеннеси о том, что меня не устраивает, что единственная форма взаимодействия со студентами — это лекция. Я стою перед ними, читаю ту же самую лекцию, что читала несколько лет назад. У меня нет возможности общаться со студентами, получать обратную связь. Я хотела, чтобы содержание лекции было доступно студентам в интерактивном онлайн-формате, чтобы на аудиторных занятиях мы уделяли бы время непосредственному общению, развитию критического мышления; чтобы я могла учить их тому, как переформулировать плохо сформулированную задачу, где применить стратегии решения, которые мы изучали на занятии. Я хотела выделить трудные для студентов темы и помочь им справиться с проблемами, чтобы у них был прочный фундамент, чтобы не было белых пятен при изучении новой темы.

Моя цель состояла в том, чтобы «перевернуть» традиционный способ обучения в аудитории. Студенты должны были изучать основы теории и практики самостоятельно, а время на занятии отводилось бы более осознанной, более весомой работе с преподавателем. То есть мы не заменяем университеты, но поднимаем роль преподавателя на новый уровень. Коммуникация не должна быть односторонней, профессор не просто передает знания: это должен быть диалог со студентами, где профессор активно помогает им в обучении.

Хотелось бы отметить, что в некоторых условиях такой подход неизбежен: там, где цифровое образование может стать альтернативой отсутствию образования как такового, что особенно актуально для развивающихся стран. Там не хватает помещений, ресурсов. Проблема студента в этих странах — не в том, чтобы найти университет получше: проблема — в том,

чтобы найти хоть какой-то университет, который смог бы принять этого студента.

Наглядный пример — Индия, о которой говорил Санил. Индия стремится увеличить долю послешкольного образования с 13% до 30%, то есть до среднего показателя для развивающихся стран. Для этого нужно построить не менее 1 500 новых учебных заведений. Построить 1 500 новых кампусов — невероятно сложно с точки зрения логистики. Кроме того, ныне действующие университеты, за исключением нескольких ведущих, укомплектованы профессорско-преподавательским составом лишь на 25%. Не хватает квалифицированных преподавателей для существующих университетов. Если построить еще 1 500 университетов, кто будет в них преподавать? И это Индия — страна, относительно развитая в плане образовательной инфраструктуры. Что тогда говорить о Нигерии, Гане, Бангладеш, где ресурсов еще меньше? Единственный способ дать образование молодым людям нынешнего поколения и, возможно, следующего — перешагнуть через традиционное обучение в физических зданиях образовательных учреждений и обратиться сразу к онлайн-программам. Так же, как это произошло, например, когда эти страны «перепрыгнули» через проводной телефон и банкоматы сразу в цифровую эпоху. Онлайн-образование может стать своего рода заменой университетов там, где их нет и где они вряд ли будут построены.

А. Хреков:

К Вам — еще один подвопрос, а потом я попрошу Андрея Александровича тоже на него ответить. Очень часто бывает так, что когда соприкасаются классическое, университетское, образование, или это может даже быть бизнес-школа, и такие инновационные формы дистанционного обучения, нередко возникает панический страх преподавательского состава перед тем, что это новое их сметет. Иногда даже прямо говорят, что все эти модульные курсы — это прекрасно, но если мы будем предлагать их нашим студентам, то профессора потеряют учебные часы и деньги. Как Вы

думаете, могут ли эти два формата сейчас как-то ужиться или они вообще не должны существовать «под одной крышей»?

Д. Коллер:

Думаю, определенная часть населения (возможно, 15% или даже 20%) может приступить к онлайн-обучению и заниматься без помощи преподавателя, пройти весь курс от начала до конца, успешно его завершить и получить таким образом образование. Это прекрасная возможность для автодидактов — тех, кто способен учиться самостоятельно, людей с высокой внутренней мотивацией. Раз есть люди, которые могут это сделать, мы должны помочь им получить образование онлайн, раз такая потребность существует.

В то же время, другие люди нуждаются в большей степени поддержки. Есть и те, кто оканчивает школу, так и не развив внутренней мотивации: им было сложно учиться в школе, им сложно учиться и в вузе. Им нужен живой учитель, который будет смотреть им в глаза и спрашивать, выполнили ли они домашнюю работу, где возникли проблемы; нужен преподаватель, который готов им помочь. Профессия учителя не исчезнет, просто она трансформируется: метод обучения будет близок методу Сократа — диалогу, а не передаче информации.

Честно говоря, компьютеры гораздо лучше справляются с задачей распространения информации, чем люди. Компьютеры могут передавать информацию более эффективно и на постоянной основе. У студентов есть возможность нажать на паузу и подумать; перемотать назад и снова прослушать лекцию; смотреть в темпе, в котором им удобно; учиться в наиболее продуктивное для них время, а не тогда, когда назначено занятие. Что касается передачи информации, то компьютерам однозначно принадлежит ведущая роль по сравнению с человеком.

Но когда нужно более глубокое понимание процесса обучения, когда нужно выявить лакуны, которых студент не видит, и помочь ему восполнить пробелы, — здесь нужен хороший преподаватель: равноценных технологий еще не изобретено. Многие беспокоятся о все возрастающей роли

технологий в обучении. В СМИ можно услышать мнение, что профессор становится скорее ассистентом, что от него больше не требуется преподавательской деятельности. Я работаю в таком режиме пять лет и по своему опыту могу сказать, уж что-то, но преподавать стало не только не легче, но и сложнее. Ты приходишь на занятие и не знаешь, что тебя там ждет, какие вопросы зададут тебе студенты. Вести дискуссию, которая может принять любое направление, — непростая задача. Это целое искусство — возможно, более увлекательное для преподавателя, чем просто чтение лекций по старым записям. Думаю, роль преподавателя трансформируется, а деятельность его будет еще более сложной и значимой.

А. Хреков:

Спасибо большое. Андрей Александрович, прошу Вас прокомментировать этот момент: именно этот конфликт, который имеет место в наших вузах, в наших бизнес-школах.

А. Фурсенко:

Если можно, я бы начал с вопроса, который прозвучал перед этим — по поводу того, когда рано и когда не рано выбирать. Мне кажется, что проблема стоит немного по-другому: мы должны учить людей выбирать, причем с детского сада, и брать на себя ответственность за выбор. Если мы будем этому уделять достаточно серьезное внимание, то к 16 годам человек точно будет понимать, куда ему надо идти учиться. Он не будет пытаться спрятаться от этого решения, от этого выбора и откладывать его. Другое дело, что этот выбор не должен сводиться к узкой колее, которая проложена до конца жизни. Должно быть задано направление. Мне кажется, это не противоречит тому, что говорил Владимир Мау, потому что на каждом этапе ты делаешь свой выбор, который потом может быть уточнен, а может быть изменен, и в этом тоже нет ничего страшного, это жизнь. Жизнь одна, а возможностей так много. Просто за каждое свое решение человек должен отвечать.

Что касается вопроса о том, нет ли конфликта, могу сказать, что на самом деле это тоже перекликается с другим вопросом: кто вообще находится в центре обучения. Я хочу поддержать Владимира Александровича Мау. В центре любого обучения — тот, кого учат. Главный человек в школе — ученик, главный человек в вузе — студент. Это не значит, что не существует встречного выбора. И преподаватель выбирает своих студентов, и студенты выбирают своих преподавателей и свой университет. Но если главный человек — студент, то профессор должен думать, что лучше для студента, а не что лучше для него самого. В чем сегодня страх профессора? Не в том, что он хуже научит студента при использовании новых технологий, а в том, что ему будет менее комфортно. Он вынужден будет делать не то, к чему привык за долгое время своей работы, а должен будет что-то менять и делать что-то новое. Я уже как-то говорил и хочу повторить: в чем был смысл введения бакалавриата в России? Я говорил об этом Владимиру Мау, повторю еще раз. Главной целью было не то, чтобы разбить пятилетний отрезок на четыре и два года, и даже не в том, чтобы создать более гибкую траекторию для студентов. Для меня главная задача — добиться того, чтобы преподаватели пересмотрели свои курсы, чтобы они вынуждены были по-новому подойти к обучению. Чтобы они были поставлены в такие условия, когда им придется еще раз посмотреть на то, что они делают, и понять, что в новой схеме адаптировать это не получается, надо по-новому понять, как ты будешь в рамках этой новой схемы давать знания. Нормальные преподаватели это сделали, но, к сожалению, есть многие преподаватели, которые изо всех сил думали, каким образом какой-то свой курс из пятилетнего превратить в четырехлетний, а какой курс растянуть на два этапа, на четыре и два года. Бывает, что где-то, в каких-то университетах они в рамках новых стандартов потихоньку все-таки возвращают ситуацию к традиционному курсу, а где-то они понимают, что вариантов нет и надо приспособливаться, надо себя выстраивать под новый подход. И тут, конечно, для настоящего учителя с большой буквы гораздо интереснее быть не чтецом-декламатором, не ходячей библиотекой, а быть человеком, который на

равных со студентами обсуждает новые проблемы. Проблемы, в которых он должен быть лидером, должен ориентироваться лучше, и для этого надо очень стараться, но и студент является достойным собеседником, именно собеседником. Я поддерживаю Дафну, я понимаю, что именно в этом и есть смысл. Это вызов, это очень интересно и абсолютно реально. Но надо немножко потрудиться.

А. Хреков:

Благодарю Вас. Для меня ключевая мысль — это вопрос о том, кто главный в образовании. Действительно, образование тоже должно быть клиентоориентированным.

Хотел бы обратиться сейчас к сэру Полу Джаджу. Я в свое время довольно долго проработал в журналистике. Интересно, что в России есть хорошие журналисты, но хороших школ телевизионной журналистики практически нет. Они все довольно плохие, потому что людям, которые непосредственно работают «в поле» или в редакции, некогда преподавать. Школы все время пытались пригласить на работу действующих профессионалов, а они говорят: извините, мы работаем, нам некогда учить. Наверное, это касается не только журналистики, но и бизнеса в том числе. К тому же еще на действующего управленца или собственника накладываются такие обязанности, как составлять учебный план, всякая университетская бюрократия. Это проблема. Как Вы думаете, как сделать так, чтобы бизнесу было удобно делиться своими знаниями — как сейчас у нас говорят, расшаривать свои знания?

П. Джадж:

Благодарю Вас. Сначала хотелось бы обратиться к начинающим журналистам? Присутствующим в этом зале: у нас в Лондоне есть замечательный факультет журналистики в Лондонском городском университете, и мы будем рады видеть Вас среди наших студентов.

Что касается бизнес-образования, то нужно выделять три его уровня. Большинство бизнес-школ, существующих в мире, включают все три

уровня. Первый уровень — обучение функциональным навыкам. Нужно, чтобы люди, занимающиеся бизнесом, понимали язык бизнеса: что такое амортизация, что такое удельный вес на рынке, почему эти понятия важны. Необходимо иметь хорошее понимание основ. Но не обязательно быть экспертом. Фактически, многое можно изучить дистанционно, онлайн. В Британии на протяжении многих лет бухучет, например, изучается на заочных курсах. Так что онлайн-курсы, где можно приобрести функциональные навыки, вполне даже оправданны и эффективны.

Я сейчас консультирую правительство Китая. Там поставлена задача развить в стране предпринимательство. В связи с масштабом поставленной задачи они хотят сделать это через Интернет. Мы разрабатываем ряд программ для аудитории в 30 миллионов человек к 2020 году. Опять же, такую аудиторию вряд ли может охватить традиционное обучение.

Второй уровень бизнес-образования — это применение функциональных навыков на практике, уже непосредственно при взаимодействии с другими людьми. Научиться этому с помощью компьютера гораздо сложнее. Можно предоставить некую форму человеческого общения через Интернет: можно проводить лекцию с 20 и более студентами по Skype, когда преподаватель видит всех студентов, студенты видят друг друга, можно задавать друг другу вопросы. Фактически, это полноценное виртуальное занятие. В какой-то мере такая модель обучения работает.

Но если нужно овладеть навыками управления, то руководить нужно людьми, и здесь невозможно обойтись без личного общения. Часто можно услышать: «Почему бы просто не пообщаться по Skype: всех увидите, если уж вам так хочется?» Однако есть что-то неуловимое в личном взаимодействии, когда общаешься с людьми на конференции, смотришь им в глаза, беседуешь. Это немаловажный второй уровень бизнес-образования.

Теперь третий уровень. Если спросить людей, занимающих высокие посты (а таких много в этой аудитории), что они делали на прошлой неделе, — они вряд ли ответят, что уделяли много времени функциональным навыкам или управлению командой. Их команды, надеюсь, хорошо организованы.

Большую часть своего времени эти люди тратят на взаимодействие с внешним миром: госучреждениями, средствами массовой информации, клиентами, поставщиками, сотрудниками, местными жителями. Так вот: именно на третьем уровне (отвечаю на Ваш вопрос) бизнесмены играют важную роль. Здесь очень ценен их опыт. Чему-то можно научиться, но в основном всё замыкается на опыте: либо своем, либо чужом, о котором можно узнать, разговаривая с людьми.

Как некоторым, быть может, известно, я основатель Judge Business School. Насколько я знаю, здесь также есть представители выдающихся бизнес-школ. Мы часто приглашаем предпринимателей, и они охотно приходят пообщаться со студентами, рассказывают о своей карьере, о своей деятельности, о том, как они работают с различными участниками бизнес-среды, как решают определенные задачи. Студентам интересно услышать из первых уст о том, что важно для министра, например. Какая история будет интересна СМИ? Что на самом деле думают клиенты и поставщики о компаниях, с которыми работают? Как заручиться поддержкой местного населения?

Это не теоретические вопросы, а очень даже практические. По моему опыту, предприниматели с удовольствием приходят к студентам и рассказывают о подобных вещах. Это очень важно. Особенно важно это для бизнес-школ, так как здесь студентов обучают штатные преподаватели. Но у них зачастую нет достаточного опыта работы за пределами университета. Научить тому, как работать с ключевыми партнерами в бизнесе, лучше могут люди извне, а не преподавательский состав вуза. Бизнес-менеджмент — это и наука, и искусство. Научную сторону вопроса можно изучить с помощью компьютера: можно посмотреть видео, использовать компьютерные программы. Но искусство — то, что касается людей, и здесь роль человеческого общения первостепенна.

А. Хреков:

Большое спасибо Вам за такой структурированный ответ, хорошо помогает структурировать мозги. Лоура Ипсен, хотелось бы задать вопрос Вам. У

Microsoft есть огромный опыт сотрудничества с университетами, имеется собственная база, где применяются самые новые технологии обучения. Интересно, что Вы думаете по поводу инфраструктуры? Как теперь в междисциплинарном образовании ее нужно создавать? Должны быть, как раньше: аудитории, проекторы, другие осязаемые формы? Или все-таки инфраструктуру нужно создавать в облаке, а доступ давать с любого мобильного устройства?

Л. Ипсен:

Во-первых, в рассуждениях на тему будущего образовательной системы возникает много споров между сторонниками традиционного обучения и виртуального. Я действительно верю, что обе формы обучения будут взаимно дополнять друг друга, о чем уже говорила Дафна. Иными словами, технологии — это инструмент, с помощью которого можно передать определенную информацию, заинтересовать студентов. И я соглашусь с господином Фурсенко в том, что, в конечном счете, главный объект образовательной системы — студент. Каждый университет стремится стать лучшим образовательным учреждением с лучшими преподавателями, рассчитывается стоимость обучения. Студенты, в первую очередь, оценивают то, смогут ли они приобрести тот комплекс умений и навыков, который поможет им найти работу. Об этом уже говорилось: две трети новых рабочих мест, которые появились сегодня, не существовали еще пару лет назад. Известно, что в ближайшие 15 лет нам придется заполнить 600 миллионов дополнительных рабочих мест, а потому для нас технологии — единственное решение.

Интересный пример: два дня назад я была в начальной школе № 550 в Санкт-Петербурге. Они очень активно применяют новые технологии. Дети учатся с раннего возраста обращению с техникой: в классах есть проекторы, у всех детей — компьютеры, они изучают языки, музыку на компьютере, компьютер полностью интегрирован в образовательный процесс. Они пока не используют облачные сервисы, но над этим мы поработаем. Таким образом, мы увидим комбинированную модель

обучения: какие-то занятия будут проводиться в здании школы, какие-то — через облачные сервисы. Будут сочетаться разные средства обучения. Образовательные услуги в облаке открывают новые возможности (при помощи специальных приложений): например, коллекция Khan Academy или цифровой контент. Приходится признать, что от студента будущего будет требоваться, чтобы он был уже хорошо подготовленным. Студенты будут задавать профессорам непростые вопросы, занятия больше не будут проходить в формате стандартной лекции. Скорее всего, учащиеся уже пройдут какие-то курсы в Khan Academy. Университетам необходимо найти лучший способ интегрировать традиционную модель обучения и модель обучения будущего. В нашем случае технологии — ключ к решению этой задачи. Это только способ решения задачи, а не само решение. Университетам нужно принять такой подход на вооружение.

Я была в Калифорнийском университете в Дэвисе и беседовала там с ректором Катехи. Они хотят расширить свою деятельность и пересматривают нынешнюю модель преподавания. В штате университета состоят 70 тысяч сотрудников. Сейчас решается вопрос о том, инвестировать ли в традиционную или виртуальную систему обучения; решается, как применить технологии для расширения возможностей для всех студентов. Этот университет занимает первое место в мире по энергоэффективности, и его руководство хочет поддерживать низкий уровень воздействия на окружающую среду. То есть вузы сталкиваются с вопросом: как организовать инфраструктуру наилучшим образом, чтобы привлечь студентов? Экологичность — один из параметров, привлекающих студентов.

Как видите, мы работаем по очень многим направлениям. Студенты увлечены обучением, в руках у преподавателей — большой арсенал средств, обучение происходит в режиме сотрудничества. Это лучшие примеры преимуществ онлайн-обучения. Хорошим примером служит и наша программа “Partners in Learning” («Партнеры в обучении»), действующая уже более десяти лет. За последующие пять лет мы вложили в нее свыше 750 миллионов долларов США. Это платформа для

преподавателей и студентов: преподаватели учатся использовать технологии 21 века для обучения, а студенты из разных уголков мира, будь то Бразилия, Болгария, Россия или Южная Африка, имеют возможность общаться со своими сверстниками. Таким образом, сообщество преподавателей имеет возможность общаться и обмениваться опытом. Сейчас нам нужно понять, как в будущем сертифицировать преподавателей на предмет знания технологий? Над этим вопросом Россия уже работает, поставив задачу, чтобы 50 тысяч учителей получили соответствующий сертификат. В партнерстве с Intel и Cisco мы разработали систему сертификации, которая в будущем будет входить в Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся. Нужно иметь четкое представление о том, как преподаватели будут сертифицироваться на предмет использования технологий, чтобы они могли отвечать потребностям студентов. В конце концов, университеты борются за лучших студентов и за лучших профессоров. Таков наш взгляд.

А. Хреков:

Спасибо. Действительно, цифровой контент — это такая категория, которая сейчас применяется не только в образовании. Цифровой контент — это вещь, которая всегда конкурирует с обычным контентом. Я обращал внимание на то, что даже когда проходит какая-то конференция, если вдруг какой-то спикер, допустим, не очень динамичен, участники в зале сразу же начинают смотреть в свои портативные девайсы, потому что там, видимо, есть что-то более интересное.

Евгений, вопрос к Вам. Справедлив ли довод о том, что качество междисциплинарного образования, бизнес-образования в бизнес-инкубаторах, в акселераторах, на стартап-платформах уже сейчас лучше, если говорить о России, чем в бизнес-школах, потому что там обеспечивается on-job образование? Там эти знания доносятся до потребителя с большей скоростью, они более актуализированы. Это не утверждение, это вопрос. Справедливо ли так сказать?

Е. Кузнецов:

Здесь надо начать с определения того, зачем и чему люди учатся, используя те или иные образовательные модели. Как уже было сказано Владимиром Мау в самом начале дискуссии, структура образования адаптирована к обслуживанию того общества и той экономики, которые формируются. Сейчас стремительно формируется постиндустриальная экономика, и, конечно, в ней иные люди играют немного иные роли. Прежде всего, существует потребность в большом количестве профессиональных, успешных предпринимателей, причем таких, которые не только обладают глубоким технологическим бэкграундом и могут не только создать успешную компанию и развивать ее, но и сделать это неоднократно, и которые умеют менять индустрии, менять платформы, менять знания и адаптировать свой опыт под достаточно стремительное развитие индустрии. Конечно, традиционное образование не может дать таких уникальных навыков. Оно было сформировано в другую эпоху и имеет немного другие цели. Предпринимателей невозможно научить технологическим навыкам в ходе академического обучения, это возможно только в ходе специальных практик с помощью специальных инструментов, которыми являются как раз новые формы — акселерация, инкубирование и так далее. Мне кажется, что здесь нет какого-то принципиального противопоставления. Дело в том, что предпринимательство — не замена любой другой деятельности, а важнейший катализатор, поэтому самые успешные инкубаторы и акселераторы существуют в единстве с крупными университетскими образовательными центрами. Они взаимодействуют с ними, обмениваясь компетенциями, «питательной средой» в виде тех же самых студентов и преподавателей, у которых накапливаются знания и опыт, и его нужно конвертировать в новые бизнесы. Такие центры в России, несомненно, формируются. Пример тому — Новосибирский академпарк, где именно технопарки становятся катализаторами новых форматов образования, формируют учебные программы под задачи бизнеса значительно быстрее, чем это делает академическая среда. Так что я надеюсь, что эта форма и эти инструменты в каком-то смысле вытащат те

технологические вузы и технологические города-кластеры, которые нуждаются в здоровой порции катализатора, без которого эта машинка не работает.

А. Хреков:

Вы правы: традиционные университеты будут стремиться подтягиваться и набирать соответствующую скорость, если сделают над собой усилие. Не все, наверное, на это готовы.

Дмитрий, я хотел спросить Вас о том интересном эксперименте, которым Вы сейчас занимаетесь в Агентстве стратегических инициатив: я имею в виду дуальное образование. Вопрос вот какой, он немного с этим связан: как оценивать учащихся, слушателей в системе междисциплинарного образования? Невозможно, наверное, функционировать в рамках пятибалльной, а по сути, трехбалльной советской системы. Есть ли вообще какие-то иные формы оценки?

Д. Песков:

Спасибо. Я сейчас отвечу на вопрос, но вначале хочу отметить пару тезисов.

Если мы говорим про мышление будущего, мышление постиндустриальной экономики, то оно отличается целым рядом особенностей. Одной из этих особенностей является совершенно новый язык, на котором вы способны это будущее постигать и в нем работать. По моему ощущению, современные вузы, университеты и часть дискуссионщиков сегодня владеют этим языком, этим пониманием процентов на 10—15. Пример ключевых компетенций этого постиндустриального будущего — контролируемая шизофрения. Если вы не можете контролировать шизофрению, вы не можете успевать, потому что скорость принятия решений и навык одновременного присутствия в самых разных средах — это одна из ключевых компетенций нашего времени. Это очень легко проявляется. Если вы, например, обижаетесь, что другой человек тыкает пальцем в планшет, это значит, что вы в индустриальной эпохе, вы не сделали переход, потому

что на самом деле он уже описал ваш доклад в Facebook и уже общается с другими участниками по поводу оценки вашей предыдущей деятельности. Это факт. Это означает, что, готовя и оценивая современных управленцев, даже современных рабочих, вы обязаны опираться на совершенно другие подходы, в том числе и к оценке. Надо понимать, что образование будущего — не в университетах и не в школах. Любой молодой родитель знает, что мы воспитываем сейчас много тех, кого называют новыми маугли, то есть у нас вырастет первое поколение детей, воспитанных компьютерами. Это дети iPad-поколения. Ответ на вопрос, собственно, следующий: оценки непосредственно никого не интересуют. Интересуют три вещи. Первая — это нечто вроде того, что делает Дафна и больше пока никто, — это когнитивный стиль. То есть value, ценность, именно в том, что вы можете понять когнитивный стиль учащегося, зафиксировать его и продавать его будущему работодателю. Важно не то, какую итоговую оценку он получил, а то, как он подходит к дедлайнам, то, насколько он умеет извлекать уроки из ошибок. Все это десять лет назад было возможно сделать только в оффлайне и только очень дорогими методами. Сегодня это можно делать массово, анализируя массовые паттерны учащихся. Второе — это то, что называется achieve-культура, то есть культура достижений. Человеку поставили задание, он его выполнил, это зафиксировалось, легло в общую оценку. Achievements должны иметь шкалу, как разные валюты, некую биржу, на которой они могут торговаться, из которой может складываться тот самый итоговый портфолио. Именно это нужно и работодателю. Дальше оказывается, что даже если вы (как мы делаем сейчас в рамках дуального образования) готовите рабочих, то требования к когнитивному стилю подготовки рабочего оказываются гораздо более существенными, чем требования к подготовке обычного выпускника обычного вуза.

А. Хреков:

Вы знаете, это прекрасное определение — когнитивный стиль. Я думаю, что грубая аналогия — это изучение потребительского поведения в

мобильных девайсах. Например, если устройство подключено к заряднику, это значит, что в этот момент рекламодателям не нужно присылать никаких рекламных сообщений пользователю, потому что у него с собой телефона нет, он заряжается. Так же они определяют, спит человек или не спит и так далее. Это прекрасно.

Вопрос к Бренту Уилтону. Я думаю, что он достаточно традиционен, и его много раз Вам уже задавали. Как сейчас передавать знания? Каков оптимальный способ передачи знаний? В России одно время было популярно такое понятие, как best practice. Предприниматели, собственники компаний ретранслировали свой опыт начинающим. Сначала это все было модно, потом превратилось в подобие телеинтервью, где человек рассказывал со своей высоты наставническим голосом, что бизнес надо делать хорошо. Как Вы думаете, каково сейчас требование времени в этом смысле?

Б. Уилтон:

Доброе утро! Спасибо за Ваш вопрос. Я не из академической среды, не из университета. Я представляю сообщество работодателей из 143 стран мира. То есть я, фактически, конечный потребитель вашего продукта. Что касается вопроса о передаче знаний, — думаю, здесь есть значительные проблемы, поскольку, естественно, нет идеального решения в сфере образования, способного удовлетворить всех. В разных странах ситуации различаются. Здесь уже говорилось о трудностях, существующих в Нигерии, Африке, Юго-Восточной Азии. Я же смотрю на образовательный процесс с такой точки зрения: какая бы модель ни использовалась — будь то технологии, учебные аудитории, здание или виртуальное пространство, — вопрос в том, будет ли студент обладать необходимым набором умений и навыков для выполнения работы, для продвижения вперед.

В обозримом будущем нам нужно создать около 220 миллионов рабочих мест для тех, кто остался безработным в результате финансового кризиса. В целом на рынке труда будет 600 миллионов рабочих мест, как уже упоминала Лоура. Это огромная цифра, огромное количество рабочих мест.

Это значит, что процесс передачи знаний, в частности все то, что касается образования, должен вооружить студентов (и Пол об этом говорил) знаниями и умениями, чтобы они могли начать свой бизнес, стать предпринимателями, рисковать, создавать рабочие места. Еще одним вызовом для нашей системы образования является то, что в разных частях мира люди выходят на рынок труда в разном возрасте, в силу различных обстоятельств и исторических особенностей. Поэтому нам нужно добиться того, чтобы необходимый набор знаний и умений был включен в образовательный процесс на ранней стадии. Не у всех есть возможность учиться в университете, не всем удастся закончить начальное образование. Таким образом, проблем, которые нам предстоит решить, хватает: как снабдить людей знаниями и навыками, инструментами для того, чтобы они могли зарабатывать на жизнь, обеспечивать семью. В любом случае, предпринимательской деятельности отводится наиважнейшая роль.

Бизнес всегда занимал особое место в системе образования. В США большинство университетов были основаны благотворителями и спонсировались добровольными пожертвованиями предпринимателей. Такая практика распространена и в других странах. Некоторые проблемы с использованием технологий, о которых говорили и Лоура, и профессор Коллер, состоят в том, чтобы привлечь к этим технологическим сдвигам частный сектор. Можем ли мы ускорить этот процесс? Можем ли перепрыгнуть через определенные этапы, чтобы обеспечить доступ к технологиям большему количеству людей?

Кроме того, ощущается нехватка работников образования, которые были бы хорошо знакомы со сферой бизнеса. Значит, нужно обучать преподавателей, показывать им, как функционирует частный сектор. То есть нельзя ограничиваться только тем, чтобы приглашать предпринимателей выступать перед студентами. Нужно, чтобы учителя знали бизнес-среду, понимали ее суть, предпринимательскую деятельность, знали, чего ожидают от выпускников при найме на работу. На наш взгляд, очень важно, чтобы преподаватель сконцентрировался на когнитивных навыках, о которых Вы упоминали, на дисциплинах и знаниях,

которые понадобятся выпускникам в работе. Поразительно, что в Европе по-прежнему высок уровень безграмотности среди населения. Есть люди, которые не понимают, что нельзя опаздывать на встречи, не знают, как сдавать работу в назначенный срок, как решать поставленные задачи. Уровень образования, даже в развитых странах, является предметом беспокойства для работодателей.

Еще одна проблема сегодня — это подвижность рабочей силы в Европе и во всем мире. Люди все больше путешествуют. Поэтому нам нужна более эффективная система подтверждения квалификации. Обучение должно быть основано на компетенциях, что облегчит передвижение специалистов. Я из Швейцарии, очень маленькой страны. Порой в одном кантоне не признают образование, полученное в другом. Такого быть не должно. В этом — главная преграда для людей, желающих двигаться дальше, переезжать в связи с работой.

Также я считаю, что налаживание связей между образованием и бизнесом приведет к созданию рабочих мест, отвечающих требованиям и отдельной личности, и общества в целом. Это крайне важный момент. Мы говорили, что образование — для студентов, и с этим трудно спорить. Не думаю, что бизнес хочет уничтожить классическое образование и выращивать каких-то роботов. Совсем нет. Но нужно принять во внимание потребности работодателей; нужно продумать, как передавать знания, чтобы это было выгодно для обеих сторон. Слишком часто случается так, что толку от образования нет.

Индия служит тому хорошим примером. Там много образованных, но не работающих людей: иногда потому, что работы нет, а иногда потому, что качество образования не соответствует стандарту. Работая сообща, вместе решая, как повысить квалификацию людей, получающих образование, мы можем добиться того, чтобы выпускники образовательных учреждений могли трудоустроиться и чтобы кризисная ситуация безработицы, подобная нынешней, больше не повторилась. Как мне представляется, передача знаний — это двунаправленный процесс. Нет идеальной модели, которая подошла бы всем и каждому. Однако нужно наладить более действенный

диалог между конечным потребителем продукта системы образования и самими образовательными учреждениями. Спасибо за внимание.

А. Хреков:

Благодарю Вас. Профессор Ясин, вопрос к Вам. Я его задавал разным людям и никогда не получал одного и того же ответа. Интересно Ваше мнение. Если взять междисциплинарное образование, краткосрочные курсы, модули — мы не берем классическое высшее образование, — уместно ли, чтобы на этих курсах преподавали профессора? Или нужны исключительно люди-практики? Например, многие говорят прямо, что профессор, даже очень уважаемый, который преподает какие-то дисциплины в бизнес-школе, не имеет морального права это делать, если сам не реализовал ни одного бизнес-проекта. Его многие спрашивают, сколько бизнесов он поднял сам. Правомерно ли задавать такие вопросы и об этом говорить?

Е. Ясин:

Это довольно трудный вопрос, потому что всё, что утверждают разные люди, правильно. Каждый раз это находит свое применение, свою область, и проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, не новы. Просто масштабы тех проблем, с которыми мы сталкиваемся, совершенно другие. Мне, наверное, ближе тот подход, чтобы люди, которые учат практическим вопросам, имели опыт практической работы. С другой стороны, я также считаю, что теоретическое, академическое образование, которое не учит конкретным приемам, а которое раздвигает границы понимания, это гораздо более важная вещь в настоящее время. Почему? Мы вступаем в новую цивилизацию, ее по-разному называют: общество знаний и так далее, но там образовательная сторона, продукт образования имеет гораздо более высокое значение. Если раньше мы больше ценили материальные капиталы, то теперь мы всё больше и больше ценим те капиталы, которые связаны со знаниями, с умением делать, а еще больше — с умением придумывать, находить выходы из положений. С моей точки

зрения, это как раз очень характерно. Мы должны понять те перемены, которые происходят. У меня лично такое ощущение, что раньше мы старались увеличивать поток знаний, а сейчас возникает момент, о котором говорил Андрей Александрович Фурсенко, — выбор. Гораздо более трудная проблема стоит перед каждым человеком в отдельности, потому что он сталкивается с бóльшим объемом знаний, ему нужно выбирать и знать, для чего это нужно. Что-то сделать — это сравнительно легкая задача. Но способность что-то придумать, получить прирост креативности — это исключительно важно. Поэтому большое значение имеет то, с кем сталкивается ученик или студент. Сейчас исключительно важно привить людям вкус к эстетическому труду, чтобы они понимали то удовольствие, которое чувствует человек, когда он что-то придумал, когда нашел выход. Это не всегда может быть его личное дело, иногда это касается работы в коллективе. Наш институт называется исследовательским. Мы очень буквально понимаем это понятие. Нужно, чтобы студенты работали в творческих коллективах, чтобы они понимали: стоит такая-то общая задача, мы ее решили, мы продвинулись вперед. Если мы имеем в виду весь ассортимент образовательных услуг, все больше и больше внимания уделяем творческому началу, мы имеем шансы добиться успеха.

А. Хреков:

Благодарю Вас. Профессор Кумар, к Вам тоже есть вопрос из разряда «правомерно — неправомерно». Я его задавал многим людям и тем самым вызывал ожесточенные споры. Правомерно ли сажать на одну студенческую скамью или определять в одну группу в бизнес-школе тех, кто хочет сделать карьеру в компании как управленец, и тех, кто хочет создать свой бизнес, — менеджеров и собственников?

С. Кумар:

Это, действительно, крайне необходимо осуществить. Хотелось бы вернуться к мнению профессора Ясина. Цель университета — не подготовить студента к тому, что его ждет на первой работе, не обеспечить

его работой сразу после выпуска. Большинство людей проходят обучение в университете один раз в жизни или, может быть, два. Некоторым, как мне, посчастливилось остаться в университетской среде. Но подавляющее большинство, окончив университет, не возвращается. Поэтому задача нашего университета формулируется не так, что «мы подготовим вас к первому году после окончания вуза», а иначе: «Мы подготовим вас на всю жизнь — на последующие 40-50 лет». Да, многих явлений просто не было десять лет назад. Не было определенных специальностей, технологий. Поэтому университеты должны учить трем вещам. Остановлюсь на каждой из них.

Первое — закладывать основополагающие принципы, основы, как говорил профессор Ясин. Важно научить студентов непреходящим истинам, тому, что не исчезнет завтра, но будет с нами на протяжении всей жизни. Чему-то такому, что справедливо для любого специалиста, банкира или предпринимателя.

Второе — показать, что не все думают одинаково, что есть разные мнения, инновационные идеи. Показать, что взаимодействие с людьми с разным опытом за плечами, с различными интересами и устремлениями выигрышно для всех.

Третье, самое важное — роль университетов. Я не соглашусь с мнениями, высказанными ранее, что университеты не могут породить ничего нового. Мы участвуем в новой среде, в бизнес-деятельности. Мы проводим исследовательскую работу. Здесь я разделяю точку зрения профессора Ясина: всех нас объединяет радость от понимания сути явления, от открытия или создания чего-то нового. Университеты занимались исследованиями в буквальном смысле на протяжении сотен лет. Что мы действительно должны делать, так это меняться, идти в ногу со временем. Признаю, мы меняемся недостаточно быстро. Но перемены — не только в нас самих, но и в обществе в целом — всегда были в круге нашей ответственности. Возвращаем ли мы предпринимателей, специалистов в области технологий или людей, чью профессию сегодня мы даже не можем себе представить, — это всегда наша обязанность. Это не

противопоставление нового старому: это вопрос того, насколько быстро могут адаптироваться образовательные учреждения. Как уже сказал профессор Ясин, каждое поколение задается вопросом: «Правильно ли мы все делаем, есть ли что-то, что мы должны делать иначе?» Такие вопросы неизбежны. Но не нужно отвечать: «Давайте забудем, что было в прошлом, и начнем все с нуля, построим что-то совершенно новое». Нет, образовательные учреждения должны меняться, адаптироваться, основываясь на накопленном опыте.

А. Хреков:

Благодарю Вас за ответ. Вы затронули очень тонкую материю. Действительно, если университетское образование должно подчиняться исключительно диктату рынка, то университеты будут безнадежно устаревать, они уже устарели. Но если «есть в мире что-то еще», как пелось в одной песне, то можно заниматься вполне современной наукой. Тогда университетам нечего бояться.

Уважаемые друзья, ваши вопросы. Пожалуйста.

В. Панин:

Виктор Викторович Панин, председатель Всероссийского общества защиты прав потребителей образовательных услуг. Говорится о компетентностном подходе в рамках междисциплинарного образования, и это правильно, но мы не должны забывать, что бизнесов очень много, направлений очень много, и они зачастую очень сильно отличаются друг от друга, имеют свою специфику. На мой взгляд, было бы правильно говорить о поиске адекватной системы оценки в системе образования вообще и междисциплинарного образования в частности (и в особенности). К сожалению, я глубоко убежден, что пока школа сама будет оценивать результаты своего образования, ничего хорошего не получится. Школа должна научиться спрашивать общество, насколько хорошо она учит. И Андрей Александрович, и все мы в России хорошо знаем, с каким большим трудом российское общество пытается привыкнуть к системе ЕГЭ, который

был внедрен в России и фактически расколол общество на несколько частей. Я хотел сказать, что, пожалуй, важно найти адекватную систему оценки, и для этого необходимо подумать о привлечении институционализированных и персонифицированных представителей гражданского общества, в том числе бизнес-сообщества, общественных структур, экспертных структур. Об этом почему-то никто сегодня не сказал.

А. Хреков:

Спасибо, об этом можно еще поговорить в кулуарах. Пожалуйста, вопрос.

Из зала:

У меня не вопрос, а комментарий. Мне очень понравилась панель: прекрасные выступления, уважаемые специалисты. Меня волнует, что практические задачи, с которыми мы сталкиваемся в крупных высокотехнологичных корпорациях, требуют очень серьезной дифференциации в решении тех задач, которые вы сегодня описывали.

Я расскажу одну историю. Андрей Александрович, когда он только приехал из Санкт-Петербурга, был заместителем министра промышленности Клебанова. Он пришел ко мне в конструкторский центр, посмотрел, как мы обучаем тысячи молодых инженеров самым современным методам проектирования и сказал одну вещь, которую я с тех пор не забываю. Он сказал, что у нас самая большая проблема в том, что мы не готовим квалифицированных пользователей. И он абсолютно прав, потому что если посмотреть на большую корпорацию, в инженерной компании будут работать, скажем, 100 тысяч человек. Например, они все инженеры или ученые. Из них только 7% управленцы. Это люди, которые тоже должны обладать какими-то навыками и быть квалифицированными пользователями. И только 0,6% — это лидеры с большой буквы, технологические или в области управления, руководители компаний. Я хочу сказать, что то, чем занимается Дафна, и то, о чем говорил уважаемый профессор Ясин, надо как-то совместить, потому что мы не можем предположить, что тысячи человек будут способны выдумывать. Нам нужно

найти 1% тех, которые смогут выдумывать, и не забывать про 99% квалифицированных пользователей, о которых говорил заместитель министра промышленности, Андрей Фурсенко, 12 лет назад.

А. Хреков:

Благодарю Вас. У кого есть вопрос? Пожалуйста.

Е. Богданова:

Елена Богданова, Институт международного бизнеса и права, Национальный исследовательский университет (НИУ) ИТМО. Две маленьких картинки и один вопрос к Дафне и к Андрею Фурсенко. Маленький мальчик месяцев шести с трудом сидит и, чтобы не упасть, держит на коленях iPad, с легкостью его перелистывая. Картинка вторая: преподаватель, читающий лекции в аудитории, в среднем пользуется 20-25 страницами накопленных знаний. Вопрос: можем ли мы, учитывая цифровое образование и его возможности, перейти от модели «четыре плюс два» к модели «три плюс один»?

Д. Коллер:

Извините, я не понимаю, что означают модели «четыре плюс два» и «три плюс один».

Е. Богданова:

Я имею в виду систему образования «бакалавриат-магистратура», распределение того времени, которое мы сейчас тратим на образование. Если наши дети в девять месяцев с легкостью перелистывают планшет и могут потратить пять-семь минут на ознакомление с текстом, который читает преподаватель в аудитории, экономя собственное время, надо ли нам так много времени тратить на передачу знаний и опыта?

Д. Коллер:

Спасибо за разъяснения. Да, я совершенно согласна: из-за того, что нам надо найти одну универсальную модель образования, в конце концов мы порой приходим к такой, которая не подходит никому. Для многих студентов процесс обучения — слишком медленный. Для одних предметов темп обучения оказывается слишком медленным, для других — чересчур быстрым. Тогда кончается тем, что студент не успевает, теряет интерес, бросает курс, и потом ему приходится проходить этот курс сначала. Более индивидуально ориентированное образование, которого на масштабном уровне можно добиться только путем применения технологий, позволит значительно сократить количество времени, проведенного в образовательном учреждении. К тому же, что не менее важно, такое обучение даст лучшие результаты. Мы все знаем о существовании в средней школе учащихся, которые читают на уровне второклассников, и часто это — следствие того, что их подгоняли, когда они еще не усвоили основ, а теперь такие дети просто не могут двигаться дальше. Думаю, сделав обучение более индивидуальным, мы получим лучшие, более эффективные результаты за более короткий период времени. Есть исследования, доказывающие, что смешанный формат обучения помогает людям достичь более высоких результатов, причем экономится время как студента, так и преподавателя.

А. Хреков:

Спасибо. Владимир Александрович, Вы тоже хотели ответить.

В. Мау:

Мы все равно остаемся в индустриальной парадигме образования. Три плюс один, четыре плюс два — да вообще не учитесь, если не надо откосить от армии и вам не нужна «корочка». Готовы освоить курс за месяц — осваивайте, готовы освоить за полгода, сдать экзамены и получить соответствующие сертификаты — пожалуйста. Сколько нужно, столько и нужно учиться, плюс это проблема подробности. Возвращаясь к вопросу Антона: «Должен ли профессор бизнеса быть бизнесменом?» — этот

вопрос я задал, когда стал ректором. У нас все-таки крупнейшая бизнес-школа, у нас там половина — программы MBA. Мне сказали: а должен ли орнитолог летать? Он должен уметь кормить птиц, но не обязательно летать. Если на этого профессора есть реальный спрос от проходящих учиться бизнесменов (это ведь не 15-летние дети, которые идут туда, куда мама послала), если они платят деньги за программу и хотят слушать этого профессора, какая разница, создавал он стартапы или нет. Если они на стартапера не хотят идти, они и не придут. Все-таки надо больше доверять слушателям. Более того, есть разные слушатели. Есть более молодые, начинающие бизнесмены, которым интересна теория, для которых основная задача бизнес-программы — научиться говорить на нормативном бизнес-языке. А есть те, которым больше надо общаться, и для них важно формирование групп. Это просто разные задачи и разные клиенты.

А. Хреков:

Спасибо большое. Андрей Александрович?

А. Фурсенко:

Я попросил Владимира, чтобы он начал первым, потому что я согласен. Хочу сказать две вещи. Во-первых, людей надо с самого раннего детства учить ответственности, и им с самого начала нужно показывать, что учиться — это интересно и здорово. А дальше, если человек это понимает, он и будет выбирать себе программу «четыре плюс один», «три плюс два» или будет учиться всю жизнь понемножку. Во-вторых, не надо стремиться к скорости. Обучение, образование — это передача культурного кода. Культурный код по щелчку не передается, и, может быть, тут определяющую роль играет не срок, потому что у кого-то усвоение идет быстрее, у кого-то медленнее. Это более сложная вещь, чем передача какого-то количества знаний. Это ментальная вещь, и мы на сегодняшний день строго определить сроки не можем. Мы словно идем со щупом по минному полю, и в любой момент может произойти взрыв. Поэтому использовать какие-то жесткие индустриальные методы, когда тебе дается

полгода, и за это время ты все должен усвоить, — опасная вещь. Мы об этом мало говорим, надо говорить больше.

А. Хреков:

Спасибо. Конечно, здесь возражением может быть тот довод, что культурные коды передаются не только и не столько в университете, но по своему Вы тоже правы. Пожалуйста, еще один короткий вопрос.

Л. Гозман:

У меня вопрос к Андрею Фурсенко. Скажите, пожалуйста, чем лично Вы объясняете тот высочайший, с моей точки зрения, уровень сопротивления каким-либо изменениям, который идет от профессорско-преподавательского сообщества наших университетов? Вряд ли это можно объяснить так, как иногда объясняют сотрудники Вашего бывшего министерства: что они все ленивые, консервативные, тупые и так далее. Само это объяснение делает любые изменения невозможными, потому что оно, естественно, вызывает еще большее сопротивление. Я знаю, что среди профессоров распространена такая точка зрения, которая по отношению к Вам несправедлива, что их недооценивают, что не понимают того, что нельзя из точки А в точку В перейти по щелчку, что это — как сельское хозяйство. То есть существует некая почва, с которой необходимо считаться, и изменения могут быть только постепенными. Может быть, есть какие-то другие причины? С чем связано сопротивление?

А. Хреков:

Спасибо, вопрос понятен. Андрей Александрович.

А. Фурсенко:

Вы знаете, сопротивление сильно преувеличивают, так же как преувеличивают очень многие вещи. Всегда есть конкретные люди. Есть те, кто поддерживает изменения, есть люди, которые их не поддерживают, есть люди, которые сопротивляются. Это касается не профессоров

университетов, это касается просто всех нас. Это связано с логикой проведения любых изменений. Есть очень интересная книга, она называется «Счастье» Делерма. В ней говорится о том, что вообще цель человека — это не материальное благополучие, цель человека — это счастье. И когда человек идет к счастью, риск потерь существенно весомей, чем возможность приобретения чего-то нового. Поэтому когда мы движемся в ситуации изменений, любой человек всегда оценивает возможности потерь. Такие возможности существуют при любых изменениях. Это не призраки, это реальная ситуация, эти потери существуют для конкретных людей: профессоров, родителей, детей, — потому что в любой реформе есть те, кто теряет. Если никто ничего не теряет, это не реформа, это не изменение. Даже небольшое количество людей или направлений, по которым есть потери, зачастую перевешивает достаточно большие выигрыши. Но это — отдельный вопрос для отдельного круглого стола.

А. Хреков:

Абсолютно согласен. Огромное спасибо! Мне кажется, что если бы экспертность можно было измерить в каких-то единицах, то сегодня, наверное, зашкаливало бы. Удачного завершения Форума!